

Коптева Галина Геннадьевна

канд. филол. наук, доцент

ФГКВОУ ВО «Новосибирское высшее

военное командное училище»

г. Новосибирск, Новосибирская область

ДЖЕЙН ОСТИН: К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСКОМ СТИЛЕ

***Аннотация:** в статье представлен анализ личности Джейн Остин через призму ее художественного творчества в контексте скудности биографических данных. Рассматривается эволюция стиля от ранних сатирических пародий на сентиментализм к зрелой иронии в романах. Особое внимание уделено персонажу Элизабет Беннет как автопортрету писательницы – независимой, остроумной, мужественной героине. Выявлены особенности нарратива: смена диалогового стиля на описательный в ключевых сценах, отражающая личный опыт автора. Делается вывод о реализме Остин как опережающем явлении эпохи предромантизма, определяющем ее место в английской литературе.*

***Ключевые слова:** английская литература, реализм, ирония, сатира, автопортрет, нарратив, сентиментализм.*

Введение.

Все литературоведы признают, что Джейн Остин (1775–1817) – выдающаяся личность в истории английской литературы. Личность, во многом опередившая время. Именно поэтому ее произведения, воспринимаемые так естественно в нашем веке, не казались столь «нормальными» ее современникам (ее первые романы были написаны в конце восемнадцатого века, более поздние – в первые десятилетия девятнадцатого). По-настоящему «узнали» и оценили писательницу только в двадцатом столетии: в колледжах и университетах Великобритании ее произведения вошли в обязательную программу обучения (по крайней мере, для ряда соответствующих специальностей), ее романы были экранизированы, появилось огромное количество поклонников ее творений. Интерес к ним не пада-

ет, и любители чтения (особенно, камерного) получают подлинное наслаждение, читая и перечитывая эти художественные произведения.

Основные результаты.

Не будет, пожалуй, открытием утверждение, что личность и стиль Джейн Остин когезивно взаимосвязаны. Точнее, разумно предположить, что о личности этой писательницы можно получить наилучшее представление при погружении в ее художественный мир. По какой причине это может быть целесообразно – вполне понятно: о Джейн Остин как о человеке, о женщине, даже о ее внешности и стиле общения с окружающими нам известно крайне мало. Да, есть ее биография, есть сведения о семье, о ее кончине, но эти достаточно скудные факты не позволяют увидеть личность в целом, не позволяют понять, как и почему могли появиться на свет столь необычные для ее эпохи романы – по сути, реалистические произведения. Достаточно противоречивы сведения о ее внешности и поведении в обществе, противоречива, точнее не определена с абсолютной точностью датировка ее романов. Сестра Кассандра, на руках которой умерла Джейн, уничтожила значительную и наиболее важную для биографов часть ее переписки. Огромная утрата для литературоведения и для любителей словесности! И это был не единственный случай ненадлежащего отношения к эпистолярному наследию писательницы: аналогичным образом поступила и дочь адмирала Френсиса Остин (брата Джейн) после смерти отца. Она тоже уничтожила ценные для науки и истории литературы письма.

Поэтому имеет смысл пытаться понять характер и личность Джейн Остин исходя из ее художественного мира и наследия, того драгоценного материала, который она оставила читателям. Практически всю жизнь писательница прожила в провинции и описывала преимущественно ту среду, которая была ей хорошо известна. Она была, пожалуй, одной из первых женщин-писательниц. В этом – ее огромная заслуга. В Англии и других европейских странах писатели «слабого» пола появлялись и раньше, но Джейн Остин стала действительно выдающимся профессионалом, автором бестселлеров. Не все смогли ее творчество оценить по достоинству; вот, например, как отозвалась о нем Шарлотта Бронте:

«Точное воспроизведение обыденных лиц, тщательно огороженные и ухоженные сады... Ни одного яркого образ. Ни одного дикого ландшафта. Там нет свежего воздуха, голубых гор, суровых скал... Возможно, она разумна, реалистична... но великой она быть не может» [1, с. 6]. Жизнь, однако, показала обратное: романы Джейн Остин в двадцатом столетии оказались не менее популярны, чем произведения Шарлотты Бронте.

Да, в эпоху Остин и Бронте было «ценно то, что может обладать сильными эмоциями: так обстояло дело с романтиками» [2, с. 761]. Но ценность написанных Джейн произведений доказало время: ныне она уже – образец, ее романы считаются классическими. Возможно, ей самой такая их будущность показалась бы удивительной. Джейн Остин – не романтик, она «реалистична», более того, в некотором смысле она эпична. По мнению Ю. Айхенвальда, «эпос ведет свое психологическое происхождение от того свойства нашей души, в силу которого нам недостаточно жить, а еще есть у нас потребность свою и чужую жизнь рассказывать. Пережитое хочется задержать в слове, – не дать уйти прошлому. Человек и человечество в той или другой форме ведут какой-то дневник; и вот эпос как повествование о событиях служит одним из лучших и наиболее естественных проявлений такой человеческой летописи» [3, с. 244]. Исходя из этой «естественной потребности», Джейн «рассказывала» про окружающую жизнь вполне реалистично; она проявила себя таковой в произведениях уже в конце восемнадцатого века, в эпоху господства сентиментализма и предромантизма (NB!). И в этом – ее личное достижение и ее загадка.

Нашим современникам поразительным представляется то, что непосредственно после ее смерти родные даже не вспоминали особо о ее творчестве. Когда Джейн была похоронена в Винчестерском соборе, в надписи на ее могиле это творчество и романы не упоминались. Позже была добавлена медная табличка, на которой вскользь отмечалось, что она «известна многим по своим произведениям». Ее произведения нередко публиковались анонимно. Возможно, Джейн Остин не хотела, чтобы в обществе ее воспринимали как писательницу. Но писать она начала достаточно рано, в возрасте четырнадцати лет. Обратимся

к ее ранним работам. Это – язвительные пародии, иногда достаточно злая сатира на слезливую, сверхчувствительную, сентиментальную прозу восемнадцатого века. Например: *“A mutual silence which had for some time reigned between us, was at length broke by my exclaiming – “What a lovely scene! Alas, why are not Edward and Augustus here to enjoy its beauties with us!”*

“Ah! my beloved Laura (cried Sophia), for pity's sake forbear recalling to my remembrance the unhappy situation of my imprisoned Husband. Alas, what would I not give to learn the fate of my Augustus! to know if he is still in Newgate, or if he is yet hung. But never shall I be able so far to conquer my tender sensibility as to enquire after him. Oh! do not, I beseech you ever, let me again hear you repeat his beloved name. It affects me too deeply. I cannot bear to hear him mentioned, it wounds my feelings”.

“Excuse me, my Sophia, for having thus unwillingly offended you” – replied I – and then changing the conversation, desired her to admire the noble grandeur of the elms which sheltered us from the Eastern Zephyr. «Alas! my Laura (returned she), avoid so melancholy a subject, I entreat you. Do not again wound my sensibility by observations on those elms. They remind me of Augustus. He was like them, tall, majestic – he possessed that noble grandeur which you admire in them”.

I was silent, fearful lest I might any more unwillingly distress her by fixing on any other subject of conversation which might again remind her of Augustus.

“Why do you not speak, my Laura?” (said she after a short pause). “I cannot support this silence -- you must not leave me to my own reflections; they ever recur to Augustus”.

“What a beautiful sky! (said I) How charmingly is the azure varied by those delicate streaks of white!”

“Oh! my Laura (replied she, hastily withdrawing her eyes from a momentary glance at the sky), do not thus distress me by calling my attention to an object which so cruelly reminds me of my Augustus's blue satin waistcoat striped with white! In pity to your unhappy friend (the author's spelling – G.K.), avoid a subject so distressing”.

What could I do? The feelings of Sophia were at that time so exquisite, and the tenderness she felt for Augustus so poignant, that I had not power to start any other

topic, justly fearing that it might in some unforeseen manner again awaken all her sensibility by directing her thoughts to her Husband. Yet to be silent would be cruel; she had entreated me to talk” [4, с. 69–70].

Цитата длинная, но она в полной мере дает возможность прочувствовать, что здесь мы имеем дело с явно издевательской сатирой, оформленной в пародийный текст. Здесь уместно вспомнить высказывание Яна Парандовского о композиции произведения «плохого» писателя: «...в повседневном языке, в плохой литературе и в дешевой журналистике слова надоедают и мучают одними и теми же повторяющимися сочетаниями. Одни и те же прилагательные следуют за знакомыми существительными, как тени. Окаменевшие обороты речи, прогнившие метафоры. Плесень, болото, стоячая вода. Этот застывший мир ждет, когда его услышит настоящий писатель...» [5, с. 204].

Вот именно такой стиль высмеивает Джейн Остин в своих ранних произведениях, через пародию. Она открыто смеется и издевается над гипертрофированной сентиментальностью, которая казалась вполне уместной тогда, да порой и в девятнадцатом веке тоже. Приведенная выше цитата из ее романа «Любовь и дружба» (орфография Д.О. – Г.К.) позволяет нам в полной мере оценить «остроту языка» совсем еще юной Джейн. Позже это свойство трансформировалось в ее произведениях в иронию, иногда тонкую, а иногда довольно едкую. Вот еще один, но более мягкий вариант-пример ее сатирического стиля: “*Mrs Jennings was a widow, with an ample jointure. She had only two daughters, both of whom she had lived to see respectably married, and she had now therefore nothing to do but to marry all the rest of the world. In the promotion of this object, she was zealously active, as far as her ability reached, and missed no opportunity of projecting weddings among all the young people of her acquaintance. She was remarkably quick in the discovery of attachments, and had enjoyed the advantage of raising the blushes and the vanity of many a young lady by insinuations of her power over such a young man; and this kind of discernment enabled her soon after her arrival at Barton, decisively to pronounce that Colonel Brandon was very much in love with Marianne Dashwood. She rather suspected it to be so, on the very first evening of their being*

together, from his listening so attentively while she sang to them... It must be so. She was perfectly convinced of it. It would be an excellent match, for he was rich and she was handsome. Mrs Jennings had been anxious to see Colonel Brandon well married ever since her connection with Sir John first brought him to her knowledge; and she was always anxious to get a good husband for every pretty girl” [6, с. 26–27].

Достаточно, по нашему мнению, привести в пример данную выше пару цитат из ее ранних произведений, чтобы убедиться, что упомянутые на ее могильной плите добродетели, такие как кротость нрава, отзывчивость сердца, дочерняя почтительность и пр. – могут очень сильно ограничить представление читателя о ее личности. Джейн, вероятно, была не только разумна и добродетельна, но также – вполне самостоятельна, порой резка в суждениях о людях и окружающем мире. Такова ее героиня Элизабет в романе «Гордость и предубеждение», подлинное художественное открытие в прозе того времени. Элизабет – яркая, независимая, умная и тонкая личность. По мнению автора данной статьи, она наиболее близка к ментальному автопортрету самой писательницы, и она – любимая героиня (персонаж) Джейн Остин. Описание Элизабет Беннет, составленное исследователями, в разных, в том числе, интернет-источниках, выглядит примерно следующим образом.

В романе данная героиня описана как вторая по привлекательности из пяти сестер в семье; с изящной и привлекательной фигурой, интеллектуальными, если так можно выразиться, чертами лица и прекрасными выразительными темными глазами. Элизабет – исключительно умная и сообразительная, одаренная и «острая на язык» молодая женщина. Иногда ее манеры могли показаться не вполне безупречными, поскольку часто сочетались с некоторой игривой дерзостью, но при общении с близкими эта дерзость проявлялась как вполне добродушная и милая. Элизабет достаточно хорошо умеет играть на фортепиано и петь, ее выступления описываются как весьма «приятные», доставляющие истинное удовольствие слушателям. Она искренне любит своего отца, и она – любимая дочь. Она хорошо видит недостатки своей матери, ее недалекий ум,

вздорную и нарочито плаксивую манеру поведения, и внутренне страдает от этого, равно как и от слабости отцовского характера.

Читатель имеет возможность наблюдать ее умонастроения и внутренний рост на протяжении романа. С самого начала Элизабет изображается как личность, гордящаяся своим умом и проницательностью, получающая удовольствие от собственной иронии, высмеивания глупостей других. Из-за внятных и четких представлений об отношениях в браке она полна решимости не выходить замуж ради одной только финансовой безопасности или удобства; поэтому она не смогла понять свою подругу Шарлотту, когда та приняла предложение мистера Коллинза. Постепенно Элизабет Беннет приходит к пониманию, что первому впечатлению не всегда можно доверять, что она сама так же подвержена гордыне и предубеждениям, как и отвергнутый ею мистер Дарси. В романе автор показывает, что, несмотря на все свои недостатки, Элизабет оказалась человеком, способным признавать собственные ошибки и делать все возможное, чтобы загладить, исправить их.

Также очень важно следующее. Элизабет обладает огромным мужеством: несмотря на неоспоримый факт, что брак по расчету (с мистером Коллинзом, например) был наилучшим способом обеспечить ее будущее после смерти отца, она осталась непреклонна в своем отказе вступить в такой брак, в котором не могло быть ни истинной привязанности, ни дружбы, ни уважения. Самым похвальным и удивительным проявлением ее мужества было то, что (и как) она устояла перед леди Кэтрин, когда спесивая и богатая аристократка, намного старше героини романа, попыталась запугать ее, буквально вырвать у нее обещание не выходить замуж за Дарси. Элизабет, обладающая чувством собственного достоинства, в своем сопротивлении даже оказалась способна утверждать, что они с Дарси равны по социальному статусу: «Он – джентльмен; я – дочь джентльмена; так что мы равны» (читатель знает, сколь колоссальной была их разница в материальном положении).

Итак, Элизабет Беннет – яркая, независимая, незаурядная личность. Аналогичным образом мы, очевидно, могли бы судить и воспринимать саму Джейн. В

своих романах она – весьма ироничный автор, тона и оттенки ее иронии выглядят нередко достаточно жестокими в отношении героев. В романе «Гордость и предубеждение», мы, конечно, не наблюдаем такого едкого сарказма, как в более ранних произведениях Остин, но в нем, безусловно, присутствуют элементы иронии и сатиры. Притом, Джейн Остин рисует свою героиню Элизабет Беннет с нескрываемой (непреодолимой) симпатией. Это – ее любимый персонаж. Возвращаясь к идее о том, что писатель всегда, в той или иной степени, пишет о себе, мы можем легко предположить, что изображение любимого персонажа основано на представлении автора о себе самом (возможно, Джейн видела или хотела видеть себя такой). Да, она, вероятнее всего, и была такой, во многом. Прежде всего, она была неординарной личностью, чьи внутренние качества явились глубинным источником и движущей силой ее творческого жанра и стиля. Особенности стиля писателя почти всегда имеют прямое отношение к личности.

«Гордость и предубеждение» – произведение, любимое многими, но читателю не всегда легко объяснить себе ту особенность романа, что его нарратив, до определенного места развивающийся гладко и последовательно, внезапно как будто «ломается», комкается, словно автору стало скучно или не хочется живописать дальнейшее развитие событий. Диалог, признанным мастером которого является Джейн Остин, в какой-то момент внезапно исчезает в повествовании. Это происходит вскоре после окончательного объяснения между Элизабет и Дарси, точнее, во время признания в любви между ними. Именно здесь стиль резко меняется, и это очень заметно для вовлеченного читателя: *“Elizabeth, feeling all the more than common awkwardness and anxiety of his situation, now forced herself to speak; and immediately, though not very fluently, gave him to understand that her sentiments had undergone so material a change, since the period to which he alluded, as to make her receive with gratitude and pleasure his present assurances. The happiness which this reply produced, was such as he had probably never felt before; and he expressed himself on the occasion as sensibly and as warmly as a man violently in love can be supposed to do. Had Elizabeth been able to encounter his eye, she might have seen how well the expression of heartfelt delight, diffused over his*

face, became him; but though she could not look, she could listen, and he told her of feelings, which, in proving of what importance she was to him, made his affection every moment more valuable” [7, с. 252–253].

Так, мы не наблюдаем никакого диалога между страстно влюбленными молодыми людьми, мы видим только описание объяснения, довольно отстраненное. Причину такой перемены можно предполагать в том, что сама писательница так и не обрела в жизни (по разным и мало известным причинам) личного счастья, женского счастья. Она не вышла замуж, она рано ушла из жизни, но ... оставила нам ряд великолепных романов.

Несомненно, роман – это ее жанр, а тонкая ирония с элементами сатиры – ее стиль в зрелый период. Несмотря на скудность биографических сведений, читатели могут пытаться представить личность Джейн Остин по ее романам и персонажам: «Личность – это тот самый материал, из которого все остальное создается творческим путем.... Очарование личности заключается в ее силе, а очарование творчества – в самой личности» [8, с. 30]. Она была сильной и талантливой, со своим собственным взглядом на людей и события, и у нее хватало смелости выражать собственные взгляды, через героев произведений, прежде всего.

Писательница погружается в романах в психологию обычного человека (из разряда окружающих ее), и в этом тоже находит свое отражение глубина ума и понимания людей, совершенно необыкновенная и для эпохи, и для возраста Джейн Остин, по крайней мере, ее романов «первого» творческого периода. Она продолжала дорабатывать их в течение ряда лет после написания, и производимые усовершенствования отражали подспудно собственный духовный рост и развитие автора. Так, в последнем из ее романов «Доводы рассудка» она изменила своей обычной манере, она не представила счастливый конец истории героев в повествовательно-описательном, «скомканном» ключе, – этот конец подается как полноценное развернутое описание счастливого воссоединения героев:

“Tell me if, when I returned to England in the year eight, with a few thousand pounds, and was posted into the Laconia, if I had then written to you, would you have answered my letter? would you, in short, have renewed the engagement then?”

“Would I!” was all her answer; but the accent was decisive enough.

“Good God!” he cried, «you would! It is not that I did not think of it, or desire it as what could alone crown all my other success. But I was proud, too proud to ask again. I did not understand you. ...” [9, с. 194].

Мы видим, что «счастливый конец» любовной истории показан в произведении «традиционным» образом. Видим, что есть диалог; влюбленные разговаривают, и ситуация разрешается-завершается плавно и естественно. Здесь – еще одна для заинтересованного читателя загадка. Это написала уже взрослая женщина, оставшаяся «девой»; и секрет, возможно, не только в том, что Джейн менялась и «росла» вместе с героями ее романов, но и в том, что эта концовка создавалась примерно за пару месяцев до ее смерти... Как бы то ни было, этот секрет, как и другие, она унесла с собой.

Заключение.

Джейн Остин начала писать в эпоху, когда писательство считалось делом не женским. Творческое начало исключительно сильной личности требовало реализации, и она смогла это осуществить, доказав, что женщина имеет право на творчество. Во многом благодаря ей, за романом утвердилась главенствующая роль в художественной литературе, что еще раз доказывает исключительную незаурядность ее личности. И наилучшие по своим качествам героини ее романов – еще одно тому подтверждение, ведь они создавались на основе глубинного представления Джейн о себе самой.

В данной статье мы попытались приблизиться к пониманию характера, личности Джейн Остин через ее произведения, их жанр и стиль. Полагаем, что работа может быть продолжена.

Список литературы

1. Гениева Е. Обаяние простоты / Е. Гениева // Остин Дж. Любовь и дружба. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. – С. 5–38.
2. Рассел Б. История западной философии / Б. Рассел. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2003. – 992 с.

3. Тамарченко Н.Д. Теоретическая поэтика: хрестоматия-практикум / Н.Д. Тамарченко. – М.: Академия, 2004. – 400 с. EDN QQZGTR
4. Остин Дж. Любовь и дружба / Дж. Остин; пер. с англ. А. Ливерганта. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. – 224 с.
5. Парандовский Я. Алхимия слова. Петрарка. Король жизни / Я. Парандовский; пер. с пол. – М.: Правда, 1990. – 656 с.
6. Austen J. Sense and Sensibility / J. Austen. – Wordsworth Editions Limited, 2007. – 295 p.
7. Остин Дж. Гордость и предубеждение: роман на англ. яз. / Дж. Остин. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2009. – 272 с.
8. Шерудило Т. Внутри себя / Т. Шерудило. – Новосибирск: Latex, 2001. – 128 с.
9. Austen J. Persuasion / J. Austen. – Wordsworth Editions Limited, 2007. – 210 p.